

ПРОБЛЕМА ДУХОВНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА В ПОЗДНЕЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ Н.С. ЛЕСКОВА (1880-е гг.)

Публицистическое наследие Лескова отражает один из сложнейших периодов развития русской общественной мысли, философии, литературы, культуры в целом. В связи с этим оно рассматривается как динамичная система, скрепленная общими темами, проблемами, идеями, жанрово-стилевыми поисками. К 1880-м гг. окончательно оформляется ядро этой системы, в центре которой – авторские размышления о духовном состоянии России. В публицистике актуализируются проблемы самоопределения русского человека в ситуации современной действительности, обозначенной Лесковым как «русская рознь». Анализ материала показывает принципиальный философский, как правило, диалогический подход публициста к осмыслению и решению названных вопросов. Представления позднего Лескова-публициста о человеке и обществе приобретают универсальный характер, расставляя новые акценты в его философско-социологической концепции, питавшей публицистику предыдущих периодов. Подобные трансформации в публицистике явились органичным результатом ее многолетнего взаимодействия с художественным творчеством писателя, что доказывает не только системность его публицистики, но и возможность рассматривать весь корпус его творческого наследия как единую художественную систему.

Ключевые слова: публицистика; система; Н.С. Лесков; духовное самоопределение; вера; религия; спиритизм; еврейская тема.

Мировоззрение позднего Н.С. Лескова 1880-х гг., отличаясь стремлением постичь глубину и сложность природы человека, сути его отношений с обществом, историей, Богом, чрезвычайно ярко отражается в публицистике, которая, как известно, являет собой тип высказывания, прямо выражающего мысли и идеи автора. К 1880-м гг. публицистическое наследие писателя окончательно складывается в динамичную систему, открытую для взаимодействия с художественным творчеством, с реальной действительностью во всей полноте ее проявлений. Начав в 1860-е гг., в период ломки патриархального уклада русской национальной жизни, разрушения нравственных ценностей прошлого, «расчеловечивания» русского человека, с осмысления проблемы духовного пробуждения, духовного роста русского человека, прежде всего человека из народной среды, отличающегося, по мнению Лескова, целостностью натуры, способностью преодолевать кризис и через падение, очищение от греха подниматься на более высокую духовную ступень, в 1880-е гг. писатель возвращается на новом витке своего развития к теме духовного кризиса русского человека, которая сейчас трансформируется в его сознании в тему «русской розни». В 1880–1881 гг. писатель выпустил сборник «Русская рознь», где Россия представлена разобщенной, сумбурной. Эта тема «русской розни» станет главной формулой в его поздней мировоззренческой системе и творчестве, прежде всего публицистическом. Причем, отойдя от споров с государственной системой, от решения сиюминутных, хотя и острых, социальных проблем, писатель обращается к духовно-нравственным, философским, глубинным вопросам человеческого разобщения, «разрозненного» бытия русского мира.

Публицистическая система писателя в связи с этим претерпевает некоторые изменения. Прежде всего, обращает на себя внимание ее разрастание в количественном плане. В 1880-е гг. автором было написано свыше 300 статей. Кроме того, система расширяется тематически, стремясь к всеохватности, к полноте высказывания о русской действительности. Однако тематическое многообразие (едва ли не пестрота) объединяется общей, главной проблемой, которая и поддерживает целостность живой системы, являясь ее стержнем.

Это – проблема духовного самоопределения русского человека и русского мира в ситуации современной действительности – «русской розни». Показательно, что эта проблема рассматривается Лесковым преимущественно в философском, нравственно-этическом плане.

Посвященный этому вопросу самый большой блок статей 1880-х гг. (отметим, что в это время автор также обращается к теме религиозного воспитания, народного чтения и детской теме) можно разделить на 3 группы: рассматривающие общие вопросы веры и религии, еврейскую тему и тему спиритизма. В первую группу входят такие статьи, как «Анафема. История анафемы» (Новое время. 1880. № 1446), «К истории анафемы» (Новое время. 1880. № 1450), цикл статей «Случай из русской демонологии» (Новое время. 1880. № 1529, 1533, 1536, 1552), цикл статей «Духовный суд» (Новости. 1880. № 153, 154, 159), «Друзья и недруги света в духовенстве» (Новости. 1880. № 172); «Маленький фельетон. Академический магистр» (Новое время. 1881. № 1759), «Маленький фельетон. Моления в Пашковском согласии» (Новое время. 1881. № 1821), «О съездах духовенства» (Петербургская газета. 1881. № 8), «Торжество православия» (Петербургская газета. 1881. № 90), «Кто написал? Вопрос из Москвы» (Новое время. 1882. № 2118), «Райский змей» (Новое время. 1882. № 2131), «Книга Кагана» (Новое время. 1882. № 2186), «Усопший митрополит Макарий» (Новое время. 1882. № 2256), «Клевета “Нового времени” на усопшего митрополита Макария» (Новое время. 1882. № 2261), «Протопоп Комар и две Комарихи» (Новое время. 1882. № 2437), «Маленький фельетон. Медицинский смутьян» (Новое время. 1882. № 2456), цикл «Бродяги духовного чина» (Новости. 1882. № 122, 129, 135), «Заметка по хламоведению» (Новости. 1882. № 284). В отдельную группу можно выделить статьи на еврейскую тему: «Религиозные обряды евреев» (Петербургская газета. 1881. № 1, 8, 14, 20, 26, 38), «Обряды и суеврия евреев» (Петербургская газета. 1881. № 68). Отдельно выделим программную статью Лескова «Философемы спиритизма» (Исторический вестник. 1882. № 1).

Обращение к общим проблемам веры и религии, с одной стороны, закономерно продолжает утверждение лесковской «формулы» 1860–1870-х гг.: «укрепляя свой

дух и свою душу, каждый человек тем самым влияет на историю нации, движет русский мир вперед». С другой стороны, очевидно, что в 1880-е гг. Лесков продолжает искать идеал веры, что во многом вызвано разочарованием автора в официальной церковности, переживающей, как и всё в России, глубочайший кризис. Показательна в связи с этим попытка Лескова соединить в своих статьях идею веры, религиозного воспитания человека, особенно из народной среды, с мыслью о необходимости просвещать, образовывать русский народ, в первую очередь детей, будущее России. Эта идея, возникшая еще в публицистике Лескова 1860-х гг., в 1880-е гг. получает любопытное развитие – в мысль о плодотворности соединения светского и религиозного в более широком масштабе, чем воспитание отдельной личности.

Так, в статьях об анафеме публицист поднимает проблемы светского и духовного в понимании наказания за вероотступничество. Обращаясь за решением этой проблемы к истории, автор обнаруживает, что в разные исторические периоды этот вопрос решался по-разному. В петровские времена, например, исчезло патриаршество, и главным в вопросах церкви был Синод, но лишь номинально, так как, по сути, все решал монарх. Цикл «Случаи из русской демономании» является продолжением и в то же время развитием прежних размышлений Лескова о народном понимании веры, не светском, но и не церковном, отличающемся соединением православия с языческими элементами. Автор вновь обращает внимание на народную веру в колдовство, в одержимость бесом и вновь подтверждает свои наблюдения конкретными бытовыми зарисовками.

Вместе с тем, в «маленьком фельетоне» «Академический магистр» Лесков показывает абсурдность и комизм стирания границы между сакральным и профанным, духовным и бытовым. В этом небольшом фельетоне автор рассказывает о магистре Дубакине, который защищает свою научную работу. Она целиком состоит из текста чужих лекций. На вопросы «академический магистр» ответить не может, ссылается только на чужие мнения, примеры привести затрудняется. Ученого спора не происходит, и это при том, что Дубакин извратил в своей работе понятие о церкви, которая, в его понимании, отличается только аскетизмом и созерцательным отношением к жизни. В итоге он получил степень, а общество – очередного лжеученого, лжепроповедника.

Оттеняя иронический нарратив «маленького фельетона», Лесков публикует серьезную проблемную статью «О съездах духовенства» (Петербургская газета. 1881. № 8). Эти съезды, по его мнению, необходимы, так как на подобных встречах происходит обмен духовными ценностями, обсуждается решение важнейших проблем духовенства и духовной жизни общества в целом, а главное, такие съезды дают возможность объединения, диалога, в том числе инакомыслящих. С точки зрения Лескова, необходимо расширить спектр обсуждаемых на этих съездах проблем, поскольку именно в диспутах, в диалоге, в столкновении точек зрения рождаются истины, достигается общественное согласие.

Проводя исторические аналогии, Лесков часто посвящает свои статьи различным церковным деятелям, чей земной путь уже завершён. Например, в статьях об усопшем митрополите Макарии, с которым автор был

лично знаком: «Усопший митрополит Макарий», «Клевета “Нового времени” на усопшего митрополита Макария», патриарх представляет пример человека высочайшего уровня духовности и образованности. Особо отмечает автор книгу Макария «История христианства в России до Св. Владимира» (1846), рекомендуя ее для чтения широким народным массам. В противоположность Макарию, в статье «Райский змей» Лесков представляет читателям другой тип священника – Кирилла, который под маской добродетели творит ужасные вещи: выселяет семью старостича, насилует девушку, убивает маляра Филиппа. Всем этим преступлениям суд находит оправдания и все спускает ему с рук.

В 1880-е гг. Лесков-публицист продолжает и любимую свою тему странничества как обретения внутренней свободы в выборе духовного пути. Сейчас он говорит об этом в связи с новым социальным явлением – бродяжничеством служителей церкви, которым профанируется сакральный смысл духовного поиска, «внутренней дороги» к истине. В цикле статей «Бродяги духовного чина», опубликованном в «Новостях» за 1882 г., Лесков подчеркивает будничность, бытовой характер причин бродяжничества церковников: желание уехать за рубеж, к иностранным епископам, скрыться от начальства, повидаться со «свойственниками», уйти от скуки монастырской жизни, разочарование в монастыре, поиск «хорошего» места, «хорошего» монастыря. Вместе с тем, Лесков уверен, что странничество (не бродяжничество!) благоприятно влияет на духовенство, позволяя освободить душу, задуматься над многими духовными вопросами, познать себя и найти свое (не лучшее, а свое!) место в мире. В связи с этим размышлением Лесков в очередной раз выходит к проблеме раскола, который, по его мнению, является ярчайшей и трагической демонстрацией русской «розни». Раскол, в представлении писателя, укрепил истинно верующих, проведя их через испытание свободного выбора вероисповедания. Раскол, явившийся одной из причин изгнания староверов из их родных мест, переселенческого движения в России, со всеми его драматическими последствиями всё же обернулся объединением староверов вокруг дела сохранения их религиозных убеждений.

Продолжая тему раскола, Лесков пишет статью «Русские силачи в современном роде» (Петербургская газета. 1882. № 238). Статья посвящена созданию русского общественного дома «Улей» в Риге. Лесков вспоминает времена, когда при императоре Александре Николаевиче староверы и нововеры подали друг другу руки и в результате произошло слияние русских сил воедино. Метафорой «весь рой русских рабочих пчел» автор подчеркивает вечное неистребимое русское стремление к единению, соборности, созиданию.

Проблема духовного самоопределения личности в современной действительности по-своему раскрывается в программной статье Лескова, посвященной спиритизму.

Как явление, которое сформировалось в европейской культуре, спиритизм, с одной стороны, своими корнями уходит в мифологическое сознание, с другой стороны, его соотносят с развитием медицинских теорий Нового времени (XVII–XIX вв.). Предтечами этого

направления считают шведского философа Э. Сведенборга (1688–1772) и автора теории «животного магнетизма» Ф.А. Месмера (1733–1815). Одним из самых известных основателей спиритической теории, руководителем европейских спиритов является Аллан Кардек (1804–1869), французский ученый, занимавшийся естественными науками. Спиритизм интерпретируется в его трудах как своеобразный проводник веры, доказывающий существование жизни после смерти. Он открывает человеку невидимый мир, или мир духов, и посвящает его в тайны грядущей жизни. При этом заметим, что материализм как претензию человека на могущество А. Кардек опровергает.

Тема спиритизма как часть общей проблемы мистического, непознаваемого, исследуемая в русской литературе и культуре с конца XVIII в., достигает кульминации интереса к себе в 1870-е гг., параллельно активному развитию науки. Именно этот период, по мнению исследователей, связан со «временем резкого размежевания сфер интеллектуальной деятельности, веры (духа) и науки» [1. С. 113]. Разделение это потребовало и своего коррелята – сведения лицом к лицу рационального и иррационального, материалистического и идеалистического, материального и духовного. Как указывают И.Л. Волгин и В.Л. Рабинович, «спиритизм и был одной из попыток такого сведения. В идее синтеза отразилась реальная потребность русского общественно-го сознания» [Там же].

Развитие науки, исследования в разных областях знаний породили идею материализации сознания, определив тем самым массовое распространение спиритизма в 1870-е гг. Ведь именно такие ученые, как Н.П. Вагнер, А.М. Бутлеров, перевели вопрос о спиритизме в центр общественных дискуссий. Особо остро обсуждалась проблема материализации духов. Споры возникали потому, что спиритизм существовал на пересечении различных областей: религиозных взглядов, открытий в области естественных наук, психологии. В своем стремлении исследовать это явление, дать ему научную трактовку ученые, по сути, совершали десакрализацию таинственного, потустороннего, в связи с чем спор о спиритизме разгорался все более и более.

К 1870-м гг. относится и развитие деятельности знаменитого кружка русского спирита, переводчика Сведенборга А.Н. Аксакова, в котором велась даже своего рода пропаганда медиумических явлений. Критиковали этот кружок многие, но наиболее известна Комиссия для рассмотрения медиумических явлений, которую создал Д.И. Менделеев 6 мая 1875 г. при Физическом обществе Санкт-Петербургского университета [2]. Ученый, утверждавший, что спиритизм как бы готовит науку к тому, чтобы связать «учение о материи с учением о духе» и скрепить «разрозненные звенья направленный человеческого знания» [Там же. С. 183], был между тем убежден, что спиритизм сам по себе – это суеверие и мистицизм, который «отрывает многих от здравого взгляда на предметы» [Там же. С. 2]. Цель созданной им Комиссии состояла в том, чтобы остановить распространение ложного учения среди молодежи.

Кроме того, со спиритизмом связывались многие явления inferнального характера, такие как чертовщина, дьявольщина, суеверия. Именно на такой точке

зрения стояла церковь в эти годы, считая спиритизм шарлатанством, колдовством, учением, губительным для верующих.

Споры, дискуссии по поводу спиритизма, которые велись в русском обществе 1870-х гг., привлекли внимание и Н.С. Лескова, что было далеко не случайным. Обсуждавшиеся проблемы органично вошли в общее русло его философско-религиозных поисков, интереса к различным религиозным движениям, в их числе – редстокизм, вылившийся в явление «пашковцев», последователей Редстока в России, результатом чего стали следующие сочинения Лескова: «Великосветский раскол. Лорд Редсток» (1876), «Два слова о редстокистах» (1876), «Религиозные новаторы Редсток и Вальденштрем» (1879). Помимо редстокизма писатель изучал старообрядчество, квакерство, штундизм, обнищеванство. Этим учениям также посвящены несколько книг и статей: «С людьми древнего благочестия» (1863), «Обнищеванцы» (1881), «За старообрядцев» (1882), «О квакереях» (1892) и целый ряд других.

Лесков находил в этих учениях то, что было близко ему как писателю и мыслителю. Из квакерства он заимствовал «квакерский мистицизм, предполагавший постоянное обретение Откровения, данного в духовно-мистическом переживании» [3. С. 190]. Впоследствии это отразилось в «праведническом» цикле Лескова, где в центре оказалась идея повседневного христианского труда. Проповеди штундистов привлекали художника утверждением приоритета религиозного чувства над догмой. Обнищеванство, проповедовавшее скорый конец света, давало писателю материал для исследования маргинального типа сознания, что тоже воплотилось в художественном творчестве, в образах его бродяг, странников, представляющих для обыденного сознания вариант «пугала».

Контекст участия Лескова-публициста в полемике о спиритизме составляет также обращение писателя к изучению истории церкви. В 1870-е гг. он собирает материал об истории раскола, выступает за церковные реформы, отмечая кризисное состояние церкви и необходимость свободы в духовной цензуре [4]. Причем если на раннем этапе творчества он принимает церковь такой, какая она есть, и находится в русле церковного канона, то в середине 1870-х гг. ситуация меняется. По мнению Ю.Н. Кольцовой, «цель христианства Лесков видел в оздоровлении и возвышении нравственных норм, на которых должна основываться жизнь всего человечества... без Церкви можно обойтись, а искать души можно и вне ее, ибо там лишь застой» [5. С. 90]. В эти годы Лесков говорит «о бездуховности и нравственной заурядности православного пастырства, о духовности, светоносности массы, хотя бы и совсем не знакомой с христианским вероучением, никогда не слышавшей о Христе» [6. С. 240]. К середине 1870-х гг., в период мировоззренческого кризиса, Лесков движется к «народному христианству», веротерпимости. Писатель понимает, что совершенного служения Богу нет, народная вера – это вера, основанная частично на фольклоре, язычестве с упованием и мольбой к Богу. Именно в это время публицистические тексты (и художественные сочинения, которых мы в данной статье не касаемся), связанные с проблемой спиритизма, зани-

мают уже центральное место в творческой системе писателя.

Подтверждение тому – ряд статей, посвященных данной теме: «Аллан Кардек», «Модный враг церкви», «Великие мира в будущем их существовании», «Медиумический сеанс», «Явление духа», «Философемы спиритизма» (1869–1882). По жанру это фельетоны, письма, рецензии, заметки. Из названных здесь сочинений обратимся только к последнему, созданному в 1882 г. (о статьях 1870-х гг., посвященных спиритизму, см. в нашей статье «Феномен спиритизма в оценке Н.С. Лескова» [7]).

Статья «Философемы спиритизма» написана в русле прежних социально-философских размышлений Лескова, окрашенных теперь еще и мыслями о глобальном кризисе русской жизни, пораженной на всех уровнях «рознь». Статья представляет собой рецензию писателя на русский перевод книги адепта медиумизма Роберта Оуэна-младшего [8]. Она начинается с обзора спиритической литературы в целом, в которой, по мнению автора, кроме описаний спиритических сеансов, видений, ничего интересного для читателя не встречается: «...все это вечно одно и то же и скучно» [9. С. 231]. Медиумические сеансы описываются так часто, что сомнения по поводу их реальности усиливаются. По мнению писателя, «описание всех этих явлений бывает всегда какое-то сухое, однообразное, лишённое всякого художественного впечатления, но зато с претензиями на научность, не имеющую, впрочем, ни законов, ни метода» [Там же. С. 232]. Продолжая начатый в предыдущих статьях разговор о борьбе противников и сторонников «опытного спиритизма», Лесков приходит к выводу о том, что она ни к чему не может привести, поскольку споры ведутся не в той области, где должны были бы вестись. В связи с этим художник вновь обращается к философскому аспекту спиритической темы: «Философемы спиритизма нисколько не касаются политики, но они делают огромной величины вопросительные знаки “призванным” знатокам и толковникам Библии, что при нынешнем возбуждении религиозных вопросов очень важно и очень интересно» [Там же. С. 233–234].

Книга Р. Оуэна, по мнению Лескова, обращает внимание именно на философскую сторону явления, чего, как правило, не делается в России. Для Лескова особенно важен момент сближения Р. Оуэном христианского и спиритического учений. В рецензируемой книге он находит конкретные примеры такого сближения, которые «сделаны для убеждения неверующих посредством наведений из Библии, что вещи невероятные возможны и не опровергаются авторитетом Св. Писания» [Там же. С. 234]. Стиль рецензии Лескова наполнен ироничными замечаниями, но теперь уже по поводу тех, кто не хочет разбираться в философском аспекте спиритизма: «У спиритизма есть его собственные философемы, которых полою рясю о. Полисадова не прикроешь... причем и о. Иван Полисадов, если у него есть запас знаний, которых он до сих пор не обнаружил... мог бы доказать, что там, где Крукс и Гегинс, Вагнер, Бутлеров и Александр Аксаков предполагают участие каких-то достойных изучения сил, просто-напросто есть одно бесовское наваждение, против которого луч-

ше всего действует кропило» [Там же]. Ставя в один ряд современных ученых и спиритов, Лесков в саркастическом тоне формулирует обычную для богословов причину, вследствие которой якобы совершаются научные открытия и спиритические явления, – бесовство. Публикация, таким образом, является своеобразным продолжением-опровержением статьи «Модный враг церкви», где Лесков призывал отцов церкви изучить философский спиритизм для возможности борьбы с ним.

Завершается рецензия типичным для Лескова-публициста ходом – объяснить все «чудесное» обычным, житейским, давая в финале неожиданную парадоксальную развязку в форме анекдота, «замочки историко-анекдотического свойства» [9. С. 235]. В ней описывается пребывание Николая I в Лондоне, посещение им Роберта Оуэна, который представил государю своего сына. Государь сказал, что из сына Р. Оуэна получится хороший гвардеец. В конце заметки писатель с улыбкой отмечает: «Тот гвардеец и нынешний спирт – очевидно, одно и то же лицо, потому что, как помнится, у Роберта Оуэна был только один сын. Вот какие бывают обороты!» [Там же]. Как отмечает Е. Курганов, анекдот у Лескова – это всегда «ответ, данный через откат, уход в сторону» [10. С. 17].

Наконец, обратимся к группе статей, посвященных еврейской теме, которая развивалась у Лескова и в художественном творчестве, в таких произведениях, как «Владычный суд» (1877), «Ракушанский меламед» (1878), «Жидовская кувырколлегия» (1882). Еврейский вопрос привлекает Лескова прежде всего в связи с темой изгнания, коррелирующей в его сознании с темой странничества, бродяжничества, всё той же «розни». Интерес к еврейскому вопросу, к истории, традициям этой нации был постоянным у автора. Еще в начале 1860-х гг. публицист резко критиковал антисемитские проявления в Минске и Чернигове. В 1880-е гг. он проявляет глубокое сочувствие к так называемому делу Мироновича об убийстве еврейской девочки Сарры Беккер, опубликовав в «Петербургской газете» за 1884–1887 гг. одиннадцать заметок. Дело приобрело большой резонанс, чаще всего скатываясь к проблемам психопатологии, поскольку общественное внимание было сосредоточено на таинственности преступления, немотивированности действия убийцы. Лесков выступил по поводу этого события с четкой позицией и очевидным сочувствием к погибшей.

С особым вниманием Лесков изучает положение евреев в России. Осмысление этой темы характеризуется обращением к таким жанрам, как сказ и анекдот, а также использованием яркой лексической оппозиции: «жид» и «еврей». Данные лексические единицы несут противоположную коннотацию: первая употребляется в негативном, пренебрежительном смысле, вторая имеет более нейтральную, толерантную семантику. Борясь за достойное место еврейской нации в русском обществе, Лесков размышляет не только о месте евреев в России, но и о судьбе России. Очерк «Евреи в России» (1883) является квинтэссенцией данной темы и такой ее интерпретации.

Отметим цикл статей «Религиозные обряды евреев», который наглядно показывает глубокий, принципи-

альный интерес Лескова к традициям и обрядам еврейского народа. Публицист детально, скрупулезно, с большим уважением описывает все обряды еврейской Пасхи, дней скорби и печали месяца Абиб. Он проникает в глубинные сакральные смыслы всей ритуальных действий: тщательного изготовления четырех хлебов, религиозных бесед отца с сыновьями о значении и символах приготовленной еды, соблюдения поста в Абиб и т.д. С особым уважением автор пишет о серьезности отношения еврейского народа к исполнению всех религиозных обрядов, проводя очевидные параллели между русским и еврейским народами и передавая таким образом и мысль о кризисе русской современности, и идеи о путях его преодоления. Отметим, что Лесков печатает данные статьи в рубрике «Петербургской газеты» «Фельетон», но он отказывается здесь от иронии, даже самых мягких ее форм, и других модификаций комизма.

Таким образом, на основе обзора статей Лескова 1880-х гг., посвященных центральной для этого периода проблеме самоопределения личности и общества в ситуации тотальной «русской розни», можно отметить расширение круга ее аспектов и принципиальный философский, как правило, диалогический подход пуб-

лициста к ее анализу и решению. Представления позднего Лескова-публициста о человеке и обществе приобретают универсальный характер, расставляя новые акценты в его философско-социологической концепции, питавшей публицистику предыдущих периодов. Мысль о первостепенном значении социальной реальности, социологических методов в объяснении человека и его среды отходят в публицистике 1880-х гг. на второй план, структурообразующим началом публицистической системы Лескова становятся универсальные законы бытия, в частности, важнейший из них – нравственность, способная и долженствующая распространять свое влияние на всех и каждого, опираясь на врожденные инстинкты добра и справедливости, врожденное стремление человека к духовному росту. Думается, подобные трансформации в публицистике, в авторском понимании ее роли и назначения в обществе, явились органичным результатом ее многолетнего взаимодействия с художественным творчеством писателя, что доказывает не только системность его публицистики, но и возможность рассматривать весь корпус его творческого наследия как единую художественную систему.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волгин И.Л., Рабинович В.Л. Достоевский и Менделеев: Антиспиритический диалог // Вопросы философии. 1971. № 11. С. 103–115.
2. Менделеев Д.И. Сочинения. Л. ; М., 1876. Т. 24. С. 178–199.
3. Сажин А.В. Н.С. Лесков и сектанты. К истории изучения вопроса // Российская словесность: эстетика, теория, история. СПб., 2007. С. 189–196.
4. Сидяков Ю.Л. Лесков в борьбе с церковной реакцией // Литература и публицистика. Проблемы взаимодействия. Тарту : ТГУ, 1986. С. 38–49.
5. Кольцова Ю.Н. Духовные искания Н.С. Лескова: Кризис христианской идеи в творчестве Лескова 1870-х гг. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2000. № 4. С. 87–95.
6. Горелов А.А. Лесков и народная культура. Л. : Наука, 1988. 294 с.
7. Черемисина К.А. Феномен спиритизма в оценке Н.С. Лескова (по материалам публицистических произведений 1870-х гг.) // Вестн. Санкт-Петербургского ун-та технологии и дизайна. Сер. 2. Искусствоведение. Филологические науки. 2011. № 1. С. 63–67.
8. Оуэн Р.Л. Спорная область между двумя мирами. Наблюдения и изыскания в области медиумических явлений, с рисунками. СПб., 1881.
9. Лесков Н.С. Философемы спиритизма // Н.С. Лесков. Честное слово. М., 1988. 345 с.
10. Курганов Е.Я. Анекдот как жанр. СПб., 1997. 125 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 24 апреля 2013 г.